

Пролог

Женщина в красном платье мелькнула среди деревьев запекшимся сгустком крови. Осталось несколько шагов, и уже слышалось прерывистое дыхание, как вдруг за пределами сада пророкотал гром. Дайнека посмотрела вверх: непроглядные облака затянули небо. Вокруг стало темней и глуше.

Опустив глаза, она остановилась как вкопанная — мгновение назад женщина шла впереди и вдруг пропала.

Прижавшись к дереву, Дайнека огляделась. Из темноты, размахивая косматыми лапами, подступали кустарники, и не было ни малейшего сомнения в том, что стоит только войти в эти заросли — с ней непременно случится самое страшное.

Деревья испуганно зашумели, по саду пронесся зловеющий гул. Все здесь было необъяснимо враждебным, от чего сделалось по-настоящему жутко.

Сквозь шум ветра и шуршание листвы она услышала недовольное бормотание и глухие, тяжелые звуки, будто дух лесной, недовольный ее вторжением, досадливо стучал по земле копытом.

Дайнека обогнула кривое дерево и застыла от ужаса. В темноте она увидела странное существо. Его силуэт был неопределенным и постоянно меняющимся — он то выпрямлялся и вытягивался, то сжимался и замирал у самой земли, издавая при этом тревожившие ее звуки.

Вглядевшись, она едва удержалась, чтобы не закричать: это был человек невыразимо мерзкий, похожий на лохматого зверя. Изогнувшись, он замер, потом хищно вывернул голову и заглянул прямо в ее душу...

Ужас сковал ее тело, не оставляя ни шанса на спасение. Теперь она знала наверняка — здесь происходит нечто противоестественное, чего не в силах вынести человеческое сознание. Но в тот момент, когда надежда была потеряна, возникшая между деревьями прогалина указала ей спасительный путь.

Дайнека бежала долго, пока не поняла, что вокруг нее решительно ничего не меняется: кривое дерево остается на том же месте, призрачная прогалина по-прежнему маячит далеко впереди. Преодолевая вязкое сопротивление воздуха, она отчаянно рванулась вперед, но вдруг поняла, что больше не владеет своим телом. В груди будто раскачивался и стучал какой-то гигантский маятник. Казалось, грудная клетка не выдерживает этих мощных ударов, раскачивается и сотрясается им в такт. Голова кружилась, и была странная уверенность в том, что сознание существует отдельно от тела, которое сделалось таким немощным, что и не претендовало на соучастие.

Земля под ней провалилась, из груди вырвался немой вопль, и Дайнека стремительно заскользила вниз. А потом полетела, широко раскинув руки, подобно парашютисту.

Издали доносился глухой бой барабана, и она уже знала, что время пошло...

Дайнека открыла глаза и села на край кровати. Сердце бешено колотилось. Комната казалась чужой.

Ночное видение ускользало, и ей никак не удавалось его удержать. Запомнились только страх, ощущение беспомощности и предчувствие чего-то страшного, что могло случиться с нею и чего, проснувшись, она избежала.

Напольные часы в гостиной продолжили отбивать время.

— ...Четыре... — прошептала Дайнека, когда последний гулкий звук, выкатившись из длинного коридора, достиг наконец ее комнаты.

В доме воцарилась тишина.

Утренний свет прибывал с каждой минутой. Ночь уходила, а вслед за ней уползали ночные страхи. В открытое окно доносилось прерывистое, по-утреннему резкое чирканье птиц.

Дайнека ощутила себя такой одинокой, словно на всем белом свете не было ни одного живого человека, кроме нее. И только настойчивый, нескончаемый гул притихшего на ночь мегаполиса, казалось, исходил из самых недр земли, где никогда не замирала неведомая ей жизнь.

В комнату залетел ветерок, прошелся по телу и рассеялся, оставив на коже зябкие пупырышки. Кружевная занавеска еще колыхалась, постукивая деревянными кольцами, когда из двора слышались шаркающие, размеренные звуки метлы дворника.

Завернувшись в одеяло, босая, она побрела по темному коридору, включая по пути все, что могло светиться. Сонная квартира нехотя оживала и без особой радости выпускала ее в свою пустоту. Было немного жаль себя, маленькую, испуганно бредущую по пустым комнатам.

Нашупав на стене очередной выключатель, она щелкнула им и задержалась у зеркала. На нее удивленно смотрела заспанная физиономия. Короткие темные волосы смешно распушились над загорелым лицом.

Приблизившись к зеркалу так близко, что кожей ощутила холод стекла, Дайнека внимательно разглядывала свое лицо, пытаясь отыскать в нем отголосок ночных видений. Но тщетно: сквозь золотистую кожу пробивался яркий румянец, указывая на отменное здоровье и неплохой аппетит к жизни; изящный, слегка вздернутый нос выражал наивысшую степень любопытства...

— Не похожа ты, Дыня, на испуганную сиротку, — вслух произнесла она и пригладила пальцем брови. Каштановые волоски в них стекались, как ручейки в реку, и эти две шелковистые «речки» были безукоризненными по форме, но удивленно приподнятыми от страха, который она испытала во сне.

О чем был тот страшный сон, решительно забылось.

Дайнека отступила от зеркала и распахнула одеяло. Она, хоть и была невысокого роста, имела стройное тело, узкие бедра, немного широковатые плечи и маленькую грудь. Но это отнюдь не портило впечатления, а наоборот, делало ее похожей на подростка, вносило во внешность пикантную остроту и придавало изысканную завершенность ее облику.

— Чучело... — буркнула она, отвернувшись от зеркала и проследовала на кухню.

Холодильник ничем ее не обрадовал: упаковка засохшего хлеба и молоко. Дайнека достала стакан, привычным движением опрокинула молочный пакет, ожидая, когда иссякнет тонкая струйка. И она закончилась на половине стакана.

Отхлебнув глоток, Дайнека подтянула гиришку стареньких ходиков. Кошачьи глазки беспечно перекатывались из стороны в сторону, усы показывали время — без четверти пять.

Развернувшись, она уселась на подоконник. В окне напротив стояла женщина в розовом и, прильнув к распахнутой створке, грустно смотрела вниз.

Дайнека тоже опустила глаза. Старый московский дом каменным коробом обрамлял тесный дворик. Детская площадка с песочницей и качелями да пара скамеек, свежевыкрашенных и от того вызывающе ярких, — вот и все, что могло поместиться внутри этого урбанистиче-

ского колодца. Жалкие клочки зелени отчасти оживляли безрадостное пространство, но все вокруг было серым и невыразительным.

Заметив Дайнеку, женщина вздрогнула и отшатнулась. Ее хрупкая фигурка растворилась в глубине комнаты.

Глядя на исчезающий силуэт, Дайнека вдруг вспомнила ужас, который испытала во сне. Отступившие страхи вновь овладели ею. Добежав до кровати, она нырнула под одеяло. Стараясь успокоиться, снова и снова гадала, кто была та женщина, бежавшая по таинственному саду навстречу обитавшей во мраке нечисти. Кошмар возродился в памяти до мельчайших подробностей. Дайнеку осенило: это — Предостережение. Предостережение, адресованное женщине в красном, чье имя ей пока неизвестно.

Воображение искало нужный образ, уводя в глубины сокровенных переживаний. Знакомая с детства тоска наполнила душу, и было невыносимо оставаться наедине с нахлынувшим одиночеством.

Вскочив с кровати, Дайнека натянула джинсы и, бросив в пакет пару футболок, взяла ключи от машины.

Вскоре она уже ехала в сторону отцовской дачи.

ГЛАВА 1

НАСТЯ

Искаженный прямоугольник солнечного света раскинулся по кровати, накрывая собой едва ли не половину ее. Горячие лучи нагревали постель, а заодно хорошенькую розовую пятку.

Не открывая глаз, Настя поджала ногу. Она уже проснулась, но вставать не хотелось. Это были мгновения сладкой дремы, когда никуда не нужно спешить. Из кухни долетал волшебный запах горячих булок. Мать Насти, Серафима Петровна, как всегда, исправно хозяйничала на даче, которая на самом деле была двухэтажным кирпичным домом. Настя круглый год жила здесь с матерью и гражданским мужем Славиком, Вячеславом Алексевичем Дайнекой. Он в шутку называл ее «младшей женой», а в своей городской квартире, где осталась его дочь, бывал только наездами.

Перевернувшись на бок, Настя, не открывая глаз, осторожно провела ладонью по соседней подушке, убеждая себя в том, что это ей не приснилось: Славик действительно в отъезде. Впереди — целые сутки, и она начала прикидывать, как распорядиться вожделенной свободой.

Из гостиной, с первого этажа, донеслись голоса. Разговаривали две женщины, и одной из них определенно была мама, а другой...

Так и есть, приехала дочь Славика Людмила. Или, как она любила сама себя называть, Дайнека. Это был худший момент для ее появления здесь. Теперь рухнули все планы.

Настя вскочила с кровати.

— Мерзавка... Наверняка знала, что Славик в отъезде... — Она растерянно опустила в кресло.

Оказаться мачехой взрослой девушки, едва ли не своей ровесницы, — такой вариант судьбы никогда не рассматривался ею всерьез. Но это было одним из условий игры во взрослые отношения. И вместе с материальным благополучием, хорошим домом, машиной и дорогой одеждой, которые она получала от Вячеслава Алексеевича, ей досталась Дайнека — как неизбежное следствие неравного брака. По эгоистической привычке избавляться от всего, что мешало наслаждаться жизнью, Настя избегала даже думать о ней, но была не в силах выкинуть «падчерицу» из своей жизни.

На даче для Дайнеки всегда была приготовлена комната. Она же редко приезжала сюда. А если такое случалось, целыми днями где-то пропадала, а по вечерам уединялась у себя или шушукалась о чем-то с отцом в гостиной.

И Настя, и Серафима Петровна были чрезвычайно добры к ней. Но Дайнека в этом, как видно, не нуждалась и

не слишком любезничала со своими новоиспеченными родственниками.

Однажды, рассматривая семейный альбом Вячеслава Алексеевича, Настя обнаружила в нем свою фотографию, которой не помнила. Улыбаясь, она стояла перед кустом цветущей сирени. Короткие обесцвеченные волосы, сияющая улыбка, светлые, слегка навывкате, большие глаза и прямой носик вызвали у нее стихийный порыв самолюбования. Особенно хороши были ее ноги. Она и не предполагала, что они такие стройные, по привычке считая их самым уязвимым местом своей хорошенькой фигурки. С такими данными, подумалось ей, можно было бы сделать карьеру покруче.

Однако, присмотревшись, насторожилась: что-то здесь не так. Почему фотография черно-белая? И платье на ней какое-то старомодное, хотя и такое же короткое, какие она обычно носила. Прическа тоже давно не в моде...

— Это моя жена, — услышала Настя голос Вячеслава Алексеевича.

Он забрал у нее альбом, давая понять, что не намерен продолжать объяснения.

Потрясенная таким неправдоподобным сходством, Настя все же смогла заметить его смущение. Как будто открылось тайное обстоятельство, о котором он никому не хотел рассказывать, в особенности ей.

Ее охватило чувство, похожее на злорадство, сродни ощущению власти над ставшим вдруг зависимым от нее

человеком. Теперь многое прояснилось: Славик все еще любит свою жену. Легкое чувство уязвленности было ничем в сравнении с открывшимися возможностями поведовать им.

Ей не терпелось стать полновластной хозяйкой всего, чем она уже пользовалась «на птичьих правах», как говорила ее мудрая мама. Теперь переход гражданского брака в официальный был вопросом времени, но не обстоятельств. Настя настойчиво продвигалась к своей цели, была осторожна и осмотрительна, старалась не совершать ошибок, хотя у нее случались промахи. Одной из ее неудач стала Дайнека.

Их отношения все больше приобретали характер изнурительного поединка. А ведь в самом начале знакомства Насте казалось, что она сумеет подобрать ключик к этой девчонке. Предположив, что Дайнека не сможет избежать той же психологической зависимости, что была у ее отца, Настя попыталась сблизиться с нею. Но получила решительный отпор. Дайнека отгораживалась от нее, а иногда откровенно дерзила. Окончательно их отношения прояснило четверостишие, которое появилось в маленькой записной книжке.

Странная привычка Дайнеки иногда сочинять стишки раздражала Настю и одновременно вызывала любопытство. Она частенько посмеивалась, тайком заглядывая в ее записи. Но в тот раз ей было не до смеха.

Ты так умело пользуешься сходством
С единственной женщиной на свете...
Отцы не в силах распознать уродства,
На помощь в этом им даются дети...

Прочитав это, Настя вспыхнула гневом и затаилась.

Затянувшийся конфликт постепенно перешел в борьбу за внимание и любовь главы семейства. Но Вячеслава Алексеевича в эти сложные отношения ни та, ни другая сторона старались не посвящать. И у каждой имелись на то свои резоны...

Услышав голос «падчерицы», Настя резко поднялась с кресла, толкнув при этом прикроватную тумбочку, отчего чайная пара на ней обиженно задребезжала. По дороге в гостиную она придумывала, как сбежать сегодня из дома. Перебирая в уме различные предлоги и способы, не могла остановить свой выбор ни на одном. В груди поселилось неуютное чувство, которое всегда возникало перед тем, когда приходилось кого-то обманывать.

К слову сказать, делать это приходилось все чаще.

Она первой увидела Дайнеку — та, поджав ноги, в задумчивости сидела на диване. Взглянув на ее узкую спину и по-детски тонкую шею, Настя поймала себя на мысли о собственной раздвоенности. В душе происходила борьба между симпатией, которая иногда возникала к этой девочке, и неприязнью, которую она испытывала к ней всегда.

Обозлившись на себя за непростительную слабость, она приняла окончательное решение непременно поехать куда-нибудь сегодня вечером и как следует оттянуться. Даже будучи раскрытой, она уже не проиграет. Благоприятный перелом в отношениях со Славиком произошел, а любящая дочь не станет травмировать отца, промолчит. Залогом тому — ее благородство, та самая «голубая кровь», которой нет у Насти и за которую она ненавидит «падчерицу» со всей непримиримостью своего незавидного происхождения.

— Где отец? — спросила Дайнека.

«Тварь лицемерная... — мысленно усмехнулась Настя. — Наверняка знает, что Славика нет на даче, потому и приехала — шпионить». Но вслух ответила почти ласково:

— Улетел в Нижневартовск, вернется завтра после обеда. Рада тебя видеть. Давно ты у нас не была.

— Я тоже рада, — ответила Дайнека. И, соскользнув с дивана, направилась к лестнице. — Послушай... — Она обернулась. — У тебя нет красного платья?

— Собираешься куда-то? — спросила Настя.

— Нет, просто интересуюсь...

— Именно красное? Бордовое, скажем, не подойдет?

— Нет! — Дайнека в несколько прыжков оказалась на втором этаже.

— Идиотка... — тихо ругнулась Настя. А потом тоже поднялась в свою комнату.

Их со Славиком спальня находилась на втором этаже, сразу у лестницы. Но у нее была еще одна, своя, в конце коридора. Просторная комната с косым потолком. Маленький балкон выходил в сад с торцевой стороны дома, и отсюда было хорошо видно гараж, в котором стояла «Тойота», подаренная ей недавно Славиком.

Облокотившись на перила, Настя попыталась на глаз определить расстояние до земли. Оно было не меньше четырех метров. Раньше ей казалось, что здесь не так высоко...

Она вернулась в комнату. Прореженный листвою солнечный свет веселыми пятнышками рассыпался по голубому, в цветах ковру, по миленьким обоям и дивану, на котором расположились ее любимые игрушки.

На каждый день рождения или мало-мальски заметный праздник друзья дарили Насте бесчисленное количество этого необременительного зверья.

— Уж лучше бы дите родила, все было бы меньше пыли, — бурчала обычно Серафима Петровна, орудуя пылесосом, и дочь немедленно выходила из комнаты, потому что эти слова причиняли ей боль.

Настя не могла иметь детей. Вернее, уже не могла. Но матери ничего не говорила, потому что давно прошло то время, когда еще можно было что-то изменить или это имело хоть какое-то значение.

К счастью, Славик не заговаривал о детях. И она догадывалась почему: просто он не любил ее. Или любил, но как-то очень по-своему.

Настя и не желала, чтобы ее любили. Нежная привязанность мужа усложнила бы ее жизнь, ограничивая личную свободу ненужными угрызениями совести. Обман любящего или нелюбящего мужа, по убеждению Насте, были проступками разной степени тяжести. Стремясь к материальному процветанию, она наперед знала, чем собирается платить по счетам. Приносить в жертву свою молодость без остатка, жить интересами стареющего мужа — совсем не входило в ее планы. Свободное сердце жаждало романтических приключений. Идея любовного реванша неодолимо захватывала ее, лишая порой рассудка. Зов плоти в такие моменты становился сильнее врожденного прагматизма. И тогда, кто знает, что бы произошло, если бы не ее здравомыслящая мать...

Покружив по комнате, Настя снова вышла на балкон. Внимательно обвела взглядом сад, хозяйственные постройки за огородом и, заметив около них приставную лестницу, воспряла духом. Это было именно то, что могло ее выручить.

На кухне гремела посудой Серафима Петровна — приближалось время обеда. Притворив за собой дверь комнаты, Настя прокралась по коридору и спустилась в гостиную, а затем незаметно выскользнула из дома.

Потемневшая от времени лестница оказалась невероятно тяжелой. Настя с большим трудом дотащила ее до балкона, изрядно перепахав при этом любимый цветник Серафимы Петровны. Пристроив лестницу к балконно-

му карнизу, она вернулась по ней в свою комнату. Оставалось только дожидаться наступления темноты.

Обедали втроем — Дайнека тоже спустилась в столовую и при этом была очень мила.

Настя решила не посвящать мать в свои планы и, отобедав, удалилась в свою комнату. Провернув ключ в дверном замке, крутнулась на каблуках и послала воздушный поцелуй своему отражению в зеркале.

Оставшееся время было проведено с пользой. Сегодня она была готова к любому «кастингу». В белом платье с открытыми плечами — маленькое наваждение с бархатной загорелой кожей и интригующими, зовущими за собой, бессовестно-золотистыми глазами.

Стемнело. Выглянув из комнаты, Настя громко, так, чтобы услышала Дайнека, прокричала матери:

— Мама, я не буду пить чай, лягу сегодня пораньше!

— Не заболела?

— Нет, — отмахнулась она и, захлопнув дверь, двинулась на балкон.

Настя уже подтянула подол и без того короткого платья, намереваясь перелезть через балконные перила на приставленную лестницу, но, заглянув вниз, обескураженно замерла.

Лестница исчезла.

— Вот это я называю ударом ниже пояса...

Не нужно было ломать голову над тем, кто устроил этот «сюрприз». Конечно, Дайнека. Только она была способна на такое.

— Какая же ты тварь... Ненавижу... ненавижу тебя!

Настя решительно вскинула голову, вытерла проступившие от обиды слезы и кинулась к двери, забыв одернуть подол платья, поднятый выше «критической отметки».

С грохотом распахнув дверь, она столкнулась в коридоре с Дайнекой и сквозь зубы процедила:

— Слишком много на себя берешь...

Затем, печатая шаг, проследовала к выходу.

— Как же так... — встревоженно пробормотала Серафима Петровна и побежала следом за дочерью. — Юбочку-то, юбочку поправь! Куда ты... на ночь глядя...

Когда, оказавшись в своей комнате, Дайнека легла в постель, в голове сами собой сложились строчки, и она тут же произнесла их вслух:

— Когда бы ты длину носила,
Какую позволяют ноги,
О, как бы ты была красива,
При всех своих изъянах многих...

Ответом ей был звук отъезжающей «Тойоты».

Ворочаясь в постели, Дайнека думала о том, что не испытывает ненависти к Насте. Старалась убедить себя в ее любви к отцу. И если ему хорошо, пусть будет, как будет. Тем более что совета у нее не спросили.

Настя-Здрастя, как прозвала «мачеху» Дайнека, была не очень умна, во всяком случае, обременительна в общении. Где бы ни появилась, она всегда оказывалась некстати и не вовремя. Однако внешне была вполне хороша. Подкачали только ноги, явно не дотягивавшие до светского стандарта.

Но, как говорится, есть места поважнее...

Дайнека готова была мириться с кем угодно, только бы не увидеть еще раз сгорбленную отцовскую спину, как в день отъезда мамы. Отъезда, который правильнее было бы назвать бегством.

Появляясь на даче, Дайнека с утра уезжала на велосипеде к реке, а по вечерам старалась не выходить из своей комнаты. Одиночество в такие моменты казалось ей меньшим из зол.

Конечно, при первой встрече Дайнека была шокирована внешним сходством Насти с мамой, наивно предположив, что за этим кроется какой-то особый промысел Судьбы. Но хватило одного совместного чаепития, чтобы от иллюзии не осталось и следа.

Дайнека утешала себя мыслью, что союз с такой женщиной обречен, надолго отца не хватит. Но время шло, и Настя оставалась в их жизни, а с ней и Серафима Петровна, ее мать. Обе стали часто появляться в их квартире. Потом как-то незаметно мать с дочерью перебрались на дачу. Сначала на лето. Но остались на осень, на зиму и на весну.

Дайнека никогда не чувствовала себя хозяйкой на даче. Эту роль самонадеянно присвоила Серафима Петровна. Улыбаясь и сладенько вздыхая, она ходила за Дайнекой по пятам и со значением выключала оставленный ею свет. На повестке дня была бережливость.

Дом и участок неузнаваемо преобразились, наполнившись уютом и целесообразностью. Во всем чувствовалась новая хозяйская рука. На мебели в гостиной появились чехлы (никому и в голову не приходило сказать, что они неуместны), на окнах — новые занавески. Часть предметов обстановки переместилась на более подходящие места. Даже в спальне Дайнеки произошли не согласованные с нею перемены, причем кое-что из ее мебели перекочевало в комнату Серафимы Петровны. А еще в доме прижилось немало занятных вещей.

Демонстрируя произведенные усовершенствования, Серафима Петровна подолгу восхищалась сама собой и назойливо вопрошала:

— Правда же, стало лучше? Ведь правда?

Таким образом, дачный, по замыслу, дом получил статус полноценного загородного жилья. Но главным, что делало его семейным очагом, стало обилие мудреной кухонной утвари. С ее помощью Серафима Петровна творила свои кулинарные чудеса, отчего в доме всегда пахло вкусной едой и рукотворным достатком. У всякого, кто переступал его порог, радостно учащался пульс...

Серафима Петровна, располневшая от прожитых лет и часто употребляемой выпечки, сама напоминала пышный хлеб, только что вынутый из печи: румяная, большеглазая, с объемным, туго стянутым бюстом. Никто, кроме дочери, не догадывался, какое нежное женское сердце бьется в ее груди. И если бы помимо похвал в адрес ее стряпни и хозяйской сметки ей изредка говорили о том, как хороши ее глаза и ямочки на пухлых руках, она бы наверняка успевала переделать вдвое больше дел.

Неизменным атрибутом внешности Серафимы Петровны была чистая накрахмаленная косынка поверх прически. Ни один волос не смел выбиться из-под нее, дабы не оказаться в чьей-то тарелке. Она была по-немецки аккуратна и точна в действиях.

Появившийся в саду огородик год от года становился все больше. И в период летних заготовок соседи надолго лишались покоя из-за колдовских запахов солений и варений, секреты которых Серафима Петровна не открывала даже дочери. Впрочем, Настя не очень-то ими интересовалась.

Нельзя сказать, что вся энергия этой неутомной труженицы шла на мирные цели. Значительная ее часть отдавалась тому, что отличает обычного человека от идеала. Осознавая свою значимость в доме, Серафима Петровна жаждала всеобщего признания, не забывая напоминать, как трудно все успевать и сколько сил она по-

ложила на алтарь всеобщего благополучия. Никто и не возражал ей.

Просто Дайнека перестала бывать на даче.

А папа перестал бывать в городской квартире.

Часто, возвращаясь из очередной командировки, он приезжал туда из аэропорта, но только за тем, чтобы переночевать. А утром уезжал на дачу.

Настя-Здрастя выиграла. Или, как сказала бы Серафима Петровна, выгадила счастливый билетик для себя и своей мамы.

С фактом существования Насти Дайнеку мирило только уверенность в том, что отец вполне устроен.

Именно с этой мыслью Дайнека наконец уснула.

Проснулась она от того, что услышала, как у ворот дачи одна за другой остановились две машины. С улицы раздавались негромкие голоса. Настин настойчиво приглашал гостя зайти и чего-нибудь выпить. Второй — красивый, переливчатый баритон — отнекивался, ссылаясь на позднее время.

Дайнека посмотрела на часы. Стрелки показывали, что уже наступило утро.

Она больше не могла спать, слушала голубиное воркование «мачехи». Ее все больше распирало от возмущения и обиды за отца. Понимая, что, в конце концов, мужчина зайдет в дом, Дайнека вместе с одеялом и подушкой мгновенно слетела вниз, в гостиную. Для подпитки артистизмахватила рюмку коньяку и улеглась на диван.

Стараясь никого не разбудить, двое тихо вошли в дом и у самого входа остановились. Дайнека отчетливо разглядела — они целуются.

— Доброе утро, — громко сказала она, и парочка немедленно разбежалась.

— Доброе утро, — чуть ли не хором ответили ей.

Рядом с Настей стоял высокий темноволосый парень. Рельефные руки, развитый торс и крепкая шея — словом, записной «качок». У него были правильные черты лица без излишней миловидности, что, по нынешним временам, встретишь не часто. Глаза немного раскосые, а взгляд — невероятно теплый, ласковый.

Он был очень хорош собой. Пожалуй, слишком хорош для Насти. Здесь Настя-Здрастя явно прыгнула выше своей головы.

— Простите, если разбудили вас, — торопливо проговорил «качок». — Меня зовут Вилор, я зашел попрощаться с Настенькой.

Не понимая, как Дайнека оказалась в гостиной, Настя-Здрастя растерялась, но смотрела на девушку с большим подозрением. Все шло не так, как ей хотелось, и она попыталась объяснить:

— Мы только...

Запнувшись, Настя указала на Дайнеку и неожиданно выпалила:

— Знакомься, это моя родственница!

— Настя стесняется сказать, что я ее падчерица, — пояснила веселенькая Дайнека. И улыбнулась Насте: — Правда, мамуля?

Гость скомканно попрощался и вышел. Через минуту они услышали, как его машина уехала.

Не пытаясь сдерживать ярость, Настя прошипела:

— Для чего ты выставила меня на посмешище?

— Разве? — с вызовом возразила Дайнека. — Мне кажется, ты и сама с этим прекрасно справляешься.

— Я... — хотела продолжить Настя.

Но Дайнека оборвала ее:

— Знаешь, что? Иди-ка ты... спать.

ГЛАВА 2

ОТЕЦ

Из аэропорта Вячеслав Алексеевич сразу поехал на дачу. Поговорив по телефону с Серафимой Петровной, узнал — дочь там. Это улучшило его настроение и значительно упростило ситуацию. Во-первых, потому что он не любил бывать в своей городской квартире, а во-вторых, они с дочерью редко виделись, и у него постепенно выработался комплекс вины. Его не оставляло ощущение, что, забывшись в своей удобной новой жизни, он предавал ее так же, как это когда-то сделала мать.

Вячеслав Алексеевич и выглядел, и чувствовал себя сейчас далеко не лучшим образом. Бессонная ночь, проведенная в переездах с места на место, а потом утомительный перелет вряд ли могли украсить физиономию пятидесятилетнего мужчины. Мельком взглянув на спидометр, он притормозил, решив не искушать судьбу.

Несмотря на возраст и солидную внешность, в нем по-прежнему бурлила юношеская энергия. При высоком росте и крепком телосложении, Вячеслав Алексеевич был тем не менее подвижен и легок на подъем. Ему часто говорили, будто он напоминает военного в штатском, что было похоже на правду, с той лишь разницей, что Вячеслав Алексеевич умел носить деловой костюм и выглядел в нем достаточно импозантно. Добавим к этому густые с проседью волосы, четкий профиль, пронизательные глаза — облик мужчины, хорошо знающего, чего он хочет, но еще лучше, как добиться в своем деле успеха.

Вячеслав Алексеевич Дайнека был финансовым директором «Евросибирского холдинга». Его огромный кабинет находился на верхнем этаже нового высотного здания в Центральном округе столицы. Он не любил праздности и все или почти все свое время посвящал работе, и та вознаграждала его материальным благополучием.

Женщины любили его. Он хорошо знал об этом, но не позволял себе обманываться и принимать желаемое за действительное.

Исключением из правила стала Настя.

Вячеслав Алексеевич был потрясен, когда увидел ее впервые: сходство с его женой Людмилой было поразительным. Правда, скоро он понял, что это всего лишь «подделка». Тем не менее женская притягательность Насти приглушала нестерпимую боль от той, давней утраты.

По-кошачьи вкрадчивая, Настя подкупала хитрым выражением беспомощности на детском лице. Наблюдая за ее ужимками и беспробудной умственной ленью, Вячеслав Алексеевич снисходительно улыбался, скрывая боль и сожаление, как будто дело касалось близкого родственника, пораженного смертельной болезнью. Чувство ответственности за нее, за ее судьбу не оставляло его, как и чувство вины — за то, что он пользуется ее молодостью, не имея на то бесспорного права.

— Кругом виноват, — признался себе Вячеслав Алексеевич и не без удовольствия вспомнил о соседке по самолету.

Затем вытащил из кармана визитку с номером ее телефона и, опустив стекло, хотел выбросить. Но передумал и снова положил в карман.

Дорога на дачу заняла полтора часа. Притормозив у дома, Вячеслав Алексеевич вышел из машины, распахнул ворота и загнал джип в гараж.

Ступая по дорожке, обсаженной невысокими деревцами, ощутил, как теплый ветерок всколыхнул листву. Несмотря на жару, здесь не было душно, и стояла такая тишина, словно в доме никого нет.

— Здравствуйте, Серафима Петровна, — сказал он, войдя внутрь и заглядывая на кухню. — А где девочки?

— Здравствуйте, — засуетилась та, отставляя в сторону кастрюлю с опарой. — Спят еще, завтракать не вставали... Чайку с дороги? Или, может, поесть чего?

— Чайку... — обронил Вячеслав Алексеевич и поднялся наверх.

Настя спала в своей комнате, и это было весьма кстати, потому что он смог принять душ и переодеться, не опасаясь ее разбудить. Облачившись в хлопчатобумажную футболку и легкие светло-серые брюки, Вячеслав Алексеевич вышел в коридор. Мягко ступая, осторожно приблизился к комнате дочери и, приоткрыв дверь, заглянул.

Разметавшись во сне, Дайнека будто с кем-то сражалась: подушка свалилась на пол, одеяло сбилось. Вид у нее был взъерошенный, и сама она была похожа на отчаянную птичку-бунтаря. Ночник у кровати горел невидимым в солнечных лучах светом: дочь с детства боялась засыпать в темноте.

Вячеслав Алексеевич почувствовал прилив сладкой боли, щемящей отцовской нежности. Для него дочь по-прежнему оставалась маленькой девочкой. Он подошел и выключил светильник.

Дайнека открыла глаза, счастливо улыбнулась:

— Па-а-апа... приехал...

— Спускайся. Посидим, чаю попьем, поговорим...

Притворив дверь, Вячеслав Алексеевич направился в гостиную.

На круглом столе, покрытом клетчатой скатертью, стоял чайник и дымились на блюде свежеиспеченные оладьи.

Не прошло трех минут, как по ступенькам сбежала Дайнека. Поцеловала отца, уселась рядом, прижавшись к его плечу.

Но они ни о чем не успели поговорить. В комнату буквально ворвалась Настя, явно переигрывая в своем стремлении выказать радость по поводу возвращения Вячеслава Алексеевича.

— Милый мой! Наконец-то приехал!

Она кинулась к дивану и, усевшись по другую сторону, обхватила его руками. Дайнеке ничего не оставалось, как пересесть в кресло.

— Привет, — едва кивнула ей Настя.

Серафима Петровна появилась в дверях кухни, держа в руках поднос. Она пребывала в хорошем настроении и, когда все расселись, наливая чай, приветливо спросила:

— У нас вчера кто-то был? Я слышала голоса...

Дайнека кивнула.

— И кто же?

— Арнольд Шварценеггер...

— А кто это? — любознательно переспросила Серафима Петровна.

— Русский народный герой, — совершенно серьезно пояснила Дайнека.

Вячеслав Алексеевич вопросительно посмотрел на дочь, но та не ответила на его взгляд. Серафима Петровна рассмеялась, догадавшись, что над ней подшутили.

Настя потянулась за сахаром, но так резко подалась вперед, что опрокинула сахарницу.

— Какая же ты безрукая, доча, — огорчилась Серафима Петровна.

— Извини, мама, — пробормотала Настя. Лицо ее запылало, и она вдруг сделалась оживленной и приветливой. — У Стрекаловых в доме с утра музыка играла. Как будто праздник какой-то.

Вячеслав Алексеевич спокойно наблюдал за ней, пытаясь определить причину такого нездорового оживления. Настя же, распахнув глаза, делала вид, будто ничего не случилось.

Возникло всеобщее замешательство — каждый пытался понять, о чем думают другие. И только Серафима Петровна, сметая со скатерти рассыпанный сахар, кивнула:

— У этих Стрекаловых что ни день, то праздник, Раиса вчера опять пьяная в беседке сидела. Потом смотрю — у нас в палисаднике цветы вытоптаны. Точно она, больше некому. Пьянь несусветная... Благородную из себя корчит, а муж уголовник. Прямо на роже написано — не убьет, так зарежет.

— Это не рожа, это у него лицо такое... строгое, — слегка усмехнувшись, сказал Вячеслав Алексеевич. — Стрекалов — юрист, адвокат, специалист по уголовному праву.

— Я и говорю, что по уголовной части. Вчера огородик поливала, вижу — у нашего дома лестница к балкончику пристроена. Видать, залезть помыслили, да я спугнула... — Серафима Петровна заговорщицки понизила голос: — Когда обратно ее к сараю тащила, от страха чуть богу душу не отдала!

Не будь Вячеслав Алексеевич так занят своими мыслями, он бы заметил, что Настины глаза раскрылись еще шире.

— Да, да... разумеется... — проговорил он безо всякой связи с тем, что услышал.

Улучив момент, Настя подхватила его под руку и потащила вверх, в спальню.

Дайнека никогда бы не решилась рассказать отцу о ночном происшествии. Не хотела огорчать. К тому же была уверена, что он и сам обо всем догадывается, но прощает Насте ее выходки. Просидев до обеда в своей комнате, она, как могла, успокаивала свою совесть, зная, что ничего не в силах изменить. Спасительные слова «пусть будет, как будет» снова пошли в ход, но чувство вины не исчезало. Она никак не могла справиться с собой, сойти вниз и поговорить с отцом, а главное — посмотреть ему в глаза. Поэтому, услышав из гостиной капризный Настин голосок, с облегчением начала собирать вещи. Она хорошо изучила «мачеху» и знала, что та наверняка что-нибудь придумает и нанесет упреждающий удар.

— Славик, ну скажи, с какой стати-и-и-и... — Настя по-детски капризно растягивала слова.

Не желая принимать участие в ее играх, Дайнека схватила собранные в дорогу вещи и вышла из комнаты.

— Я уезжаю...

Она поцеловала отца и чмокнула губами воздух над Настинным ухом, давая понять, что той не стоит беспокоиться.

— Нам так тебя будет не хватать, — пропела Настя-Здрася и улыбнулась.

— А мне-то ка-а-ак, — передразнила ее Дайнека.

Никто не совершенен. Возможно, у Настя-Здраси есть скрытые достоинства, о которых она, Дайнека, не догадывается. Ведь за что-то отец ее любит.

И не нужно думать, что по пути домой мысли у Дайнеки были невеселые. Отец вполне счастлив, и у нее, любимой отцовской дочки, все будет хорошо.

По крайней мере, она очень на это надеялась.

ГЛАВА 3

РОКОВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Переступив порог квартиры, Дайнека швырнула сумку в угол прихожей и направилась в комнату. Непреодолимое чувство тревоги преследовало ее. Она подошла к телефону и набрала номер.

— Слушаю, — прозвучал в трубке женский голос.

— Здравствуйте, Аэлита Витальевна. Я бы хотела поговорить с Ниной.

— Здравствуй, Людочка. А ты разве не знаешь, что Нина вернулась в свою квартиру? Неужели к тебе не забежала? Поверить не могу...

— Наверняка забежала, но я на даче была. Давно она переехала?

— Позавчера... повздорила с Семен Семенычем... — Аэлита Витальевна заговорила низким голосом: — Людочка, она говорила ужасные вещи, сказала, что не вернется, обвинила меня во всех смертных грехах. — Женщина расплакалась.

Дайнека молчала. Она знала, что Нина не ладила с отчимом, но ее мать старательно укрепляла «семью», которой никогда и не существовало. Всю свою жизнь Нина прожила у бабушки, в соседней квартире, на одной лестничной площадке с Дайнекой. Когда старушка умерла, Аэлита Витальевна перевезла дочь к себе. И, как показала жизнь, ничем хорошим это не кончилось.

— Людочка, — жалобно всхлипывала Аэлита Витальевна, — поговори с ней, ты же ее подруга, Нина тебя слушает...

— И что же мне ей сказать?

— Что я ее мать и желаю только добра, что она слишком молода...

— Аэлита Витальевна, — мягко возразила Дайнека, — Нине уже двадцать четыре.

— Для меня она всегда будет ребенком... — Неожиданно голос женщины изменился, и она вскрикнула: — Се-

ма, положи трубку! Опять подслушиваешь? Да что же это такое!

Прозвучали гудки отбоя, и Дайнека тоже положила трубку. Однако тут же перезвонила:

— Простите, Аэлита Витальевна, забыла у вас спросить...

— О чем, Людочка?

— У Нины есть красное платье?

— Красное? — переспросила Аэлита Витальевна.

— Пожалуйста, вспомните, для меня это очень важно.

— Я не знаю, может, и есть... С ней ничего не случилось?

— Нет-нет, не волнуйтесь, ничего не случилось! Я сама у нее спрошу.

Повесив трубку, Дайнека осталась недовольна собой: не следовало ее тревожить.

Она набрала другой номер. В соседней квартире никого не было. Сообразив, что Нина еще на работе, Дайнека сбегала в прихожую за сумкой и, достав записную книжку, нашла ее рабочий телефон.

— А-а-а-ало-о-о... — Женский голос ответил с типичным московским вывертом.

— Здравствуйте. Могу я услышать Карташову Нину Анатольевну?

— Она полгода у нас не работает.

— Простите...

«Интересно, — подумала Дайнека, — почему все женщины Москвы по телефону говорят одинаковыми головами, с одной и той же интонацией?»

Несмотря на десять лет, прожитых в Москве, она категорически не чувствовала себя москвичкой. То есть по статусу — конечно, но по состоянию души — нет. Дайнека с остервенением отскребала от себя слова-липучки и московский распевный, акающий говор.

Жаркий августовский день сменился не менее душным вечером. Дайнека остановилась у окна и бесцельно обвела взглядом двор, затем фасад дома напротив. Двор был безлюден. Сквозь тюль окна во втором этаже было видно, как в комнату вошла уже знакомая женщина в розовом и приблизилась к плечистому здоровяку, сидящему за компьютером. Тот не сразу заметил ее, а когда понял, что она стоит за его спиной, в бешенстве смахнул со стола бумаги и вскочил на ноги.

Белые листы закружили по комнате, падая каждый сам по себе ломаными, фантастическими траекториями. Метнувшись, женщина начала хватать листы в воздухе, потом опустилась на колени и стала подбирать их с ковра. Мужчина что-то крикнул. Не поднимаясь с колен, женщина сжалась, словно в ожидании удара, потом встала и покорно ушла.

— Свинья, — сказала Дайнека, глядя на мужчину. Отвернулась от окна и опять повторила: — Свинья...

Потом легла на диван. Чувство отрешенности овладело сознанием, и она с удовольствием погрузилась в полное забвение...

Женщина возникла в дверном проеме неожиданно, как будто материализовалась из воздуха. На ней было облегающее красное платье. Каштановые волосы, убранные в замысловатый пучок, гладко зачесаны у висков. Лица ее было не разглядеть.

Что-то все время ускользало от взгляда, и Дайнека никак не могла определить, что именно. Пыталась и не могла.

Позади женщины появился мужской силуэт.

— Дыня, — тихо сказала незнакомка, — мне страшно...

Силуэт за ее спиной растаял в вечернем свете.

Дайнека перевернулась на другой бок и неожиданно скатилась на пол. Сама не заметила, как уснула, уткнувшись носом в складчатую подушку дивана.

И тут раздался дверной звонок.

Потом залился снова, еще настойчивей, дольше. Дайнека рванулась в прихожую и распахнула дверь, даже не заглянув в глазок. При виде Нины застыла.

Та удивленно смотрела на подругу, пытаясь угадать причину ее потрясения. Наконец спросила:

— Тебе не нравится мое платье?

Она угадала, что именно занимало Дайнекины мысли. На Нине было красное облегающее платье. Каштановые

волосы, зачесанные назад, свивались в замысловатый пучок на ее затылке. Она выглядела старше своего возраста и была похожа на женщину из другой жизни.

Несколько секунд Дайнека не могла выдавить из себя ни звука. Затем отступила в сторону, пропуская подругу в дом. Прошла в гостиную, уселась на диван и подняла глаза. Нина остановилась в центре комнаты.

— Гуляем!

Широким жестом она вынула из-за спины руку, в которой держала бутылку красного вина. Еще один взмах — и на стол упала коробка конфет. Доставая из серванта синие с позолотой фужеры, сказала:

— Смотри-ка, только два и осталось. Господи, сколько же мы их перебили!

Увидев сияющее лицо подруги, Дайнека прогнала тревожные мысли прочь.

Нина была высокой стройной девушкой. Каштановые волосы подчеркивали нежный цвет лица и бездонную синеву глаз. На мужчин ее роковая красота действовала сокрушительно. А на женщин... У большинства из них резко портилось настроение.

— Что-то случилось?

— Нет. — Дайнека встряхнула головой.

— Мне показалось, ты как-то странно на меня смотрела.

Спустив ноги на пол, Дайнека протянула руку к коробке. Взяла конфету и надкусила ее скорее для того, чтобы чем-то себя занять.

— За что гуляем?

— А разве нужен повод? — Нина улыбнулась. — Лето, солнце. Я — в этой комнате, рядом с тобой. Видишь, сколько у нас причин?

Она откупорила бутылку и налила в фужеры вина.

— Где ты была эти два дня?

— На даче.

— Как там Настена?

— Как корова на лугу. Пасется.

— Понятно. Ты уже успокоилась на ее счет.

— Давным-давно, — усмехнулась Дайнека. — Просто мы с тобой долго не виделись. В последний раз — полгода назад, после смерти Эльзы Тимофеевны. Потом ты уехала к матери.

— Недолго я продержалась. Поначалу было ничего, но вскоре стало невыносимо. Только бы попозже вернуться с работы и побыстрее заснуть. Понимаю, мать хочет, как лучше. Семья и все такое... Но какая он мне семья, Дыня? Папа Сема, он и есть папа Сема... Буду жить в своей квартире. В конце концов, я совершеннолетняя, если не сказать больше.

— Перестарок, — поддакнула Дайнека.

— Умеешь ты меня поддержать, — улыбнулась Нина и протянула Дайнеке мобильник: — Дай-ка ты мне номер твоего телефончика, сохраню его в памяти под нежным именем Дыня.

— Аппаратик-то новенький... Откуда такие деньги? Он ведь не меньше тридцати тысяч стоит.

— Догадайся.

— Подарок?

Нина кивнула.

— Леха? — спросила Дайнека.

— Я тебя умоляю...

— Расстались?

Нина снова кивнула.

— Наконец-то... — Дайнека покрутила в руках телефон: — Я такой в рекламе сегодня видела.

— А у меня уже свой есть. Иди сюда, мой сладенький...

Нина протянула руки. Склоняясь над столом, она случайно задела бутылку и от неожиданности выронила аппарат.

Потом они наблюдали за тем, как падает телефон, как криво катится по столу бутылка, как, пульсируя, выплескивается на пол вино, образуя кровавую лужу. Фужеры падали медленно, и было ясно — они обречены. Все случилось за считанные секунды, но казалось, зрелище длилось и длилось...

Очнувшись первой, Дайнека одной рукой схватила бутылку, из которой все еще вытекало вино, а другой подняла телефон. По его наружной панели пролегла извилистая трещинка, напоминающая латинскую букву «V».

Нина сидела на корточках, и вид у нее был такой, будто она вот-вот зарыдает во весь голос. Глядя на синие осколки, Нина пробормотала:

— Последние были... Видно, не пить нам с тобой больше, Дыня...

Выражение обреченности на лице подруги вернуло Дайнеку в состояние тревоги, но она не была готова к разговору на неприятную тему.

— Брось, всего-то фужеры, — сказала Дайнека и сама поверила в это.

Нина будто очнулась.

— Надеюсь, — сказала она и села в кресло. — Не буду пока рассказывать, не хочу сглазить, но скоро, очень скоро у меня все переменится. Ты даже не представляешь, насколько. Только не обижайся, но сейчас правда ничего не могу сказать. Есть одна проблемка. Но как только все образуется, обещаю, ты узнаешь первой. Кстати, я завела собаку. Привязалась дворняга у метро, я ее покормила, а уходить она отказалась. Вот и живет теперь у меня Тишотка.

— Кто? — переспросила Дайнека.

— Тишоткой ее назвала. Смешная очень.

— Хорошо, решай свои проблемки, стратег. Нужно достать другие фужеры...

Она пошла к серванту. По пути кинула на стол сигареты.

— Кури...

— Я больше не ку-рю-ю-ю, — пропела Нина.

Дайнека остановилась и спиной почувствовала: за этим что-то последует.

- У меня будет ребенок.
- Как ты могла забеременеть?
- Как все.

Дайнека повернулась и посмотрела в глаза подруге:

— От всех тебя отличает одно печальное обстоятельство — ты не умеешь выбирать мужчин, — раздельно, почти по слогам, проговорила она.

Нина неловко поднялась с кресла.

— Господи, Дыня, уже восемь! Я побежала, прости. Заскочу позже, после двенадцати. О'кей?

Последние слова она выкрикивала уже из коридора.

— О'кей.

Дайнека закрыла дверь и побрела в ванную за тряпкой.

Пока вытирала пол, ощущение беспокойства усилилось.

— Тишотка, — тихо прошептала Дайнека. И повторила: — Тишоточка...

Выбросила осколки в мусорную корзину и вернулась в комнату. Раздраженная, хлопнулась на диван, стараясь не думать о том, что, ощущая себя маленькой старушонкой, на самом деле она изнывала без приключений, без опасных глупостей, без романтики. Она изнывала без любви.

— Если сегодня вечером останусь дома — задницей вращу в этот диван.

Выбора не было. Дайнека пошла рисовать глаза — ее ожидал вечерний город.

Москва замерла в ожидании сча-а-а-стья-я-я!

ГЛАВА 4

КРИК

— Де-вуш-ка, — по слогам произнес мужчина за ее спиной. — Де-вуш-ка.

Дайнека быстрым шагом пересекала двор, направляясь к стоянке, где была припаркована машина. Ходить пешком на большие расстояния было выше ее сил, она была развращена удобством личного транспорта. Между прочим, в свои двадцать два имела четыре года водительской практики, и очень этим гордилась.

— Де-вуш-ка. — Негромкий голос раздался совсем рядом, нависающая арка придавала ему особенную интимность.

— Засло? — Дайнека развернулась на каблуках, намереваясь ответить поехидней.

Едва не задев мужчину, она сначала растерялась, а потом неожиданно радостно выкрикнула ему в лицо:

— Свинья!

И расплылась в глупой улыбке.

Ситуация складывалась хуже некуда. Чтобы так мастерски ее спровоцировать, Дайнеке не понадобились месяцы тренировок. Она достигла этого одним только простодушием и непосредственностью, граничащей с идиотизмом.

Со стороны можно было подумать, что встретились двое добрых друзей. Одутловатое лицо мужчины обвисло. Не веря своим ушам, он судорожно пробормотал:

— Не понял...

— Свинья, — механически повторила Дайнека и удивилась, что все это происходит на самом деле.

Она и сама не знала, почему произнесла грубое слово, да еще дважды. Может быть, оттого, что перед ней стоял тот самый здоровяк, из окна напротив. Единственное слово, с которым ассоциировался его образ, было как раз то, которое прозвучало. Два раза.

Дайнека смотрела ему в глаза и невинно улыбалась, не зная, что делать дальше. Свинья отступил и сплюнул. Минуту он раздумывал и, видимо, не найдя что ответить, сплюнул еще раз. Затем помотал головой и матерно выругался.

— Я же говорила — свинья, — успокоила себя Дайнека и зашагала дальше.

На свете оставалось мало людей, способных ее удивить.

Машина завелась с полоборота, и Дайнека энергично тронулась с места. Она хорошо чувствовала автомобиль и ездить любила.

До восемнадцати лет отец не разрешал ей садиться за руль, но, едва отметив день рождения, она быстро научилась вождению и теперь лихо вырубивала в безнадежных московских пробках.

Сначала отец купил ей старенький «жигуленок», который спустя год угнали. Следующая машина оказалась долгожительницей и уже три года служила хозяйке верой и правдой.

На приличной скорости Дайнека пересекла все Тверские-Ямские и через три поворота выехала на широкий проспект. Это были самые лучшие минуты ее жизни — за рулем жизнь чувствовалась острее.

Вечерняя заря угасала в огнях рекламы. Из окна автомобиля Москва казалась маленькой и родной, Дайнека чувствовала, что этот город — то самое место на земле, где ей хочется жить. Но так же хорошо она знала, как легко этот город меняет правила.

Блеск и волнующий шум вечернего мегаполиса нарастали, Дайнека плыла в потоке машин, наслаждаясь своей причастностью к этому вечному движению. Вдруг, пренебрегая всеми правилами, ее нагло обогнал и подрезал черный «Сааб» и помчался к следующему светофору.

— Там и встретимся, — пообещала Дайнека.

Ей хотелось посмотреть на лихача. Наверняка за рулем сидит лощеный мажор, решивший прокатиться на папиной тачке. Дайнека подъехала ближе, заранее предвкушая, какой презрительный взгляд отвесит нахальному недоумку. С высоты своего возраста и водительского стажа она могла себе это позволить.

Вытянув шею, девушка подалась вперед и увидела на месте водителя... старушку лет семидесяти с седыми во-

лосами, зачесанными назад и собранными в скудный пучок. Видимо, пенсионерка была невысокого роста, потому что едва возвышалась над рулем. Бабушка покосилась на Дайнеку и беззвучно зашевелила губами, явно не сказав ничего лестного. С высоты своего возраста и водительского стажа она могла себе это позволить.

Дайнека вспомнила сегодняшний разговор с подругой и свою фразу, после которой Нина ушла. На самом деле никакого особенного опыта, позволяющего рассуждать на эту тему, у нее не было. Если не считать две-три интрижки, которые так ничем и не закончились, кроме постели.

Одним словом, Дайнека была теоретиком взаимоотношений полов. Нина же обладала удивительной способностью притягивать к себе людей неадекватных, склонных к богемным крайностям или негодяев. И каждого она пыталась понять.

Конечно, Дайнека не должна была так говорить. Тем более не имела права быть ей судьей. Да и кто может с первого взгляда разгадать истинную сущность человека? Никто.

А правды о себе никто никогда не скажет.

Хотя, если подумать...

Дайнека вдруг вспомнила заплывшую рожу мужчины, сегодняшнего знакомого. И «нарисовала» себе картинку. Он по-гусарски щелкнул каблуками и представился:

— Свинья, мерзкое и похотливое животное.

Затем кивнул головой и отошел в сторону. Но слова прозвучали так, как если бы он сказал:

— Бонд. Джеймс Бонд.

Это страшно развеселило Дайнеку, и она представила себе Фредди Крюгера, который заговорил застенчиво, тихо и начистоту:

— Очень приятно познакомиться: маньяк, серийный убийца. Вчера убил троих. Сегодня по плану — двое. Вот, знаете, хожу, присматриваюсь.

Дайнека веселилась вовсю. Следующим, кого она представила, был забуддыга из соседнего подъезда.

— А чем вы занимаетесь, сэр?

— Я — пьяница, — просто ответил тот и виновато вздохнул.

Было видно, что он говорит чистую правду.

Дайнека уже подъезжала к своему дому, когда, притормозив на светофоре, увидела стоящий справа «Мерседес». Женский голос негодовал:

— Да кто будет трахаться с тобой? У тебя же ни черта не работает! — Девушка выкрикнула эти слова в открытую дверь автомобиля и в сердцах захлопнула ее.

Светофор показывал желтый свет, но тот, у кого ничего не работало, предпочел ударить по газам и скрыться за поворотом.

Дайнека улыбнулась и сочувствующе посмотрела вслед «Мерседесу». А потом вынула из сумки звонивший телефон:

— Слушаю.

— Людочка, извини ради бога, звоню, чтобы спросить: Нина не забегала? Что-то у меня на сердце неспокойно.

— Не волнуйтесь, Аэлита Витальевна, забегала. У нее все хорошо.

— До свидания, Людочка.

Аэлита Витальевна положила трубку, вздохнула и осталась у окна.

Вопреки ожиданиям, разговор с подругой дочери не успокоил ее. Наоборот, появилась полная уверенность в том, что сегодня именно тот день, когда все, решительно все шиворот-навыворот. И тем обиднее это было, чем яснее осознавалась собственная непричастность к подобному безобразию.

Не слишком ли часто стали выпадать подобные дни на долю бедной Аэлиты Витальевны? Об этом и еще многом другом думала женщина, стоя у темного окна, опершись локтями о подоконник.

Заслышав звук подъезжающей машины, она вставала на цыпочки и заглядывала в глубину двора, высматривая белую «Волгу» Семен Семеныча. Семейные проблемы, которые всегда существовали, но долгое время оставались в состоянии покоя, прорвались и зафонтировались. Не прошло и двух дней после ухода из дома Нины, как неожиданно задурил Семен Семеныч. Нельзя ска-

зять, что ничего такого он себе не позволял раньше, но отчего-то именно сейчас Аэлите Витальевне стало особенно горько.

Много лет назад, познакомившись с ним, она вполне отдавала себе отчет в том, что, будучи старше на пятнадцать лет, не может в полной мере рассчитывать на его взаимность. И все же после нескольких встреч поверила, что невозможное возможно.

Нине тогда пошел седьмой год, и минуло шесть месяцев с той поры, как Аэлита Витальевна схоронила первого мужа. Но она не привыкла быть одна, и очень скоро Семен Семеныч с вещами перебрался в ее дом, а Нина временно переехала к бабушке.

Соседи и знакомые посудачили — да и дело с концом. Аэлита Витальевна была счастлива, а любит ли ее Семен Семеныч или нет, для нее особого значения не имело. Как и то, собирается ли он на ней жениться.

Со стороны разница в их возрасте не была уж очень заметна. Аэлита Витальевна выглядела моложе своих лет, а Семен Семеныч — старше.

В момент их знакомства Аэлита Витальевна еще цвела, ее крупная фигура была округлой и подтянутой, как у молодой дородной женщины. Здоровый цвет лица и пышные каштановые волосы усиливали это впечатление молодости. Привычка следить за своей внешностью, красиво укладывать прическу и ярко красить губы делала ее неувязимой в любое время суток.

Некогда моложавая, она с завидным опозданием перешла в категорию молодящихся. Однако и увядающая красота привлекала к ней внимание мужчин. Свою неизменно яркую губную помаду Аэлита Витальевна наносила на губы с той же обязательностью, с какой пожилые люди надевают по утрам съемные зубные протезы.

Семен Семеныч, напротив, смолоду не казался полным жизненных сил. Он производил впечатление человека, который из непродолжительного детства шагнул в пору зрелости, минуя юность. Долговязая, расслабленная фигура, чиновничья сутулость, редкие волосы и вкрадчивый говор никак не обнаруживали его возраста и при знакомстве вводили в заблуждение. Истинный возраст этого человека могли определить лишь две категории граждан: ясновидящие и работники правоохранительных органов. Чем он пленил одинокую женщину, было известно только ей одной. И этот секрет, по-видимому, до сих пор не утратил своей силы.

Аэлита Витальевна подошла к дивану и, усевшись поближе к торшеру, взяла в руки вышивку. Ведущий одиннадцатичасовых новостей быстро проговаривал свой текст, чтобы через минуту рассказать самую важную новость:

— Чемпион мира в гонках «Формулы-один» Михаэль Шумахер на время сменил свой автомобиль на луноход. Что заставило его это сделать?.. Такой вопрос задавали

себе тысячи болельщиков, которые сопровождали его по улицам...

Пальцы не слушались, розовая нитка не хотела укладываться в крестик на лице пастушка, который красовался посреди уже вышитого луга. Раздражаясь все больше, Аэлита Витальевна отбросила вышивку. Она поднялась с дивана и снова пошла к окну. Встала на цыпочки, выглянула во двор.

Машины Семен Семеныча все еще не было.

— Шумахер хренов... Вернешься, уж я тебя... и твой луноход... — Аэлита Витальевна всхлипнула и разрыдалась.

Утирая слезы, она уже составляла в уме небольшую, но убедительную проповедь относительно мерзавцев, которые изменяют своим женам, как вдруг зазвонил телефон. Звонок прозвучал неожиданно и поэтому страшно.

— Алло! Сема, ты?

— Это я, мама...

Что-то в голосе дочери заставило Аэлиту Витальевну вздрогнуть.

— Нина, доченька, что случилось?

— Я сейчас приеду к тебе, мама...

— Что случилось, я тебя спрашиваю?! — Аэлита Витальевна кричала в телефонную трубку и уже понимала: происходит что-то ужасное.

В ответ на другом конце провода страшно кричала Нина.

ГЛАВА 5

СНЫ НАЧИНАЮТ СБЫВАТЬСЯ

— Тони! Быстро! — скомандовал ей прямо в ухо незнакомый голос.

Рядом с Дайнекой сидел парень и, не вынимая правой руки из кармана, жестко смотрел в глаза.

Она с силой вдавила педаль. Машина рванулась вперед. В зеркале заднего вида виднелся светофор, который все еще мигал желтым глазом. Не зная, куда ехать, она боялась спросить незваного пассажира. Тот же сидел молча.

Дайнека лихорадочно перебирала в уме все возможные варианты спасения, а заодно пыталась сообразить, откуда он взялся. Хотя что тут соображать? Пока она пялилась на «Мерседес» застенчивого импотента, а потом разговаривала по телефону, парень и заскочил в машину.

Она вовремя вспомнила, что специалисты по заложникам рекомендуют завязывать с похитителями доверительные отношения. Говорят, это помогает обозначить себя как личность, а не как объект для насилия. «Спокойно», — сказала сама себе и, собравшись с духом, спросила:

— Как тебя зовут?

— Джамиль, — ответил парень, не глядя на нее.

«Мама дорога! Вот я попала!» — запаниковала она, но вслух сказала:

— А я — Дайнека.

Стараясь незаметно рассмотреть пассажира, она все же встретила с ним взглядом. Сразу же запомнились не сами серо-голубые глаза, а взгляд: сначала острый, как укол, а потом мгновенно отстраняющийся и безвозвратно уходящий в себя.

Парень стащил с головы бейсболку, и Дайнека увидела светлые волосы. «Джамиль? Что-то не похоже, — мелькнула у нее мысль. — Но уже обнадеживает».

Они проезжали мимо узорчатых ворот Ботанического сада, когда он сказал ей:

— Не бойся, я сейчас выйду.

Почувствовав, как отступает страх, Дайнека почти непринужденно спросила:

— От кого бежал?

— Расскажу в другой раз.

На душе у нее окончательно полегчало. Было видно, зла странный пассажир не замышляет. Скорее, очень устал. Какое-то время они оба молчали.

— Где остановить? — наконец не выдержала Дайнека.

— Все равно, — ответил парень не слишком любезно. — Да вот хоть здесь...

Он вышел. На сиденье осталась лежать тысячная бумажка. Дайнека улыbnулась, затем подняла глаза, пытаясь определить, куда их занесло. Настроение мгновенно испортилось: совсем рядом чернели ворота Владыкин-ского кладбища.